

СКЕПТИК

lem.pl

Станислав Лем

Бешеный локомотив

Различные создатели новых разделов техники, такие, как Циолковский, который в босой и бедной России размышлял о космических полетах, воображали себе, что осуществление их проектов приведет к эпохе братания, всеобщего мира и благосостояния, что технологии могут нас спасти. Потом оказалось, что технология космических полетов служит для производства межконтинентальных ракет с атомными боеголовками. Мечты пионеров авиации, таких, как братья Райт или Лилиенталь, закончились бомбометанием. Сейчас лазерная техника исполь-

зуется преимущественно в области записи звуков или изображений, но сразу же было изобретено и лазерное оружие, луч которого в мгновение ока навсегда ослепляет человека. Технический прогресс имеет характер автокатализа, и в результате мы получаем все больше все более жестокого оружия, и совсем не похоже на то, что атомное оружие было пределом угрозы.

Я принадлежу к людям, наделенным несчастной способностью озадачиваться делами, которые обычного человека занимать не должны. Скорее нас долж-

но беспокоить то, сколько мы получаем в месяц, здоровы ли жена и дети, не вынашивает ли сосед по отношению к нам каких-либо гнусных планов, нет ли выбоин на дорогах и хватит ли запасов топлива в погребе на зиму. Меня же беспокоит человечество. Как-то иллюстрированный журнал «Frankfurter Allgemeine Zeitung» попросил меня ответить на их постоянную анкету. Один из вопросов звучал так: «Каково Ваше самое заветное желание?» Я ответил: «Чтобы человечество стало другим». Мой издатель написал мне тогда, что я воспринял анкету слишком серьезно; обычно к ней относились как к возможности высказать пару остроумных замечаний.

Быть может, на угрюмость моего взгляда на мир влияет возраст — все-таки я приближаюсь к концу жизни. Молодые домашние животные, например, щенки или котята, очень веселые. Природа наделяет их довольно большой дозой оптимизма. Не знаю, как ведут себя маленькие слоны, так как не имел с ними близких контактов, но предполагаю, что так же. Людей это также касается. Я помню детство — в нем было много различных беспокоеств и страхов, особенно связанных со школой, но панорама моего видения не охватывала больших угроз. Сейчас технологии средств массовой информации все больше расширяют наше поле зрения, и образ, который предстанет перед нами, все меньше позволяет поверить в благоразумие человека.

Сам я все более чувствую себя учеником чернокнижника. Конечно, на самом деле я не призывал никаких стихий, а лишь описывал разные воображаемые, прекрасные изобретения и открытия, которые затем реализовывались, но вот используются они вопреки моим ожиданиям. Это касается и фантаматики, то есть виртуальной реальности, и генной инженерии, и многих других дел.

Недавно один американский ученый написал мне, что прочел мой рассказ «Не буду служить», где появляется замкнутый в компьютере автономный мир. Под влиянием этого рассказа и собственных рассуждений он занялся новой дисциплиной — artificial life, искусственной жизнью — и пришел к убеждению, что можно таким образом моделировать про-

цесс развития культуры. Он прислал мне оттиски своих работ, где цитирует меня, но как автора научной фантастики! Я не ответил ему, но вскоре он прислал мне следующее письмо с очередной порцией оттисков и предложением написать что-нибудь для книги, которую он готовит для Массачусетского технологического института. Я ответил, признаюсь, довольно холодно. Вымыслы и фантазию следует отделять от действительности. Развитие культуры не удастся предугадать, о компьютерах, которые имели бы вычислительную мощность для реализации того, о чем я писал, пока и речи быть не может, а стирание границ между тем, о чем можно размышлять, и тем, что можно реализовать, небезопасно.

Вторжение силы машинного псевдомышления в культуру представляется мне опасным. Пока таким образом создаются музыкальные и скульптурные композиции, а в конце пути человечество оказывается лишним: компьютеры разговаривают с другими компьютерами и рассказывают о каких-то чудовищных, белковых бледнотиках, которых давно уже нет. Это сцена из моей книги, но ведь я этого совсем не желал и вовсе не хочу служить духовным покровителем подобных видений! Это пробуждает во мне не только страх, но и кое-что более. Если что-то, что я придумал тридцать с чем-то лет назад, проецируя в безмерно далекое будущее, в зоны после моей смерти, начинает осуществляться уже в конце XX века, то что же, Святыи Боже, произойдет в следующем столетии?

Мне вспоминается фильм, который в раннем детстве произвел на меня большое впечатление. На станции стоит огромный локомотив под парами. Машинист куда-то отошел, пяток сорванцов забирается в кабину, они дергают какие-то рычаги, и локомотив начинает разгоняться. По счастью, есть еще различные стрелочные посты, станции и хладнокровные железнодорожники, которые вовремя переводят стрелки, и до катастрофы не доходит. Мы тоже сидим в таком локомотиве, только никто не следит за стрелками, зато постоянно подбрасываем уголья в топку.

*Опубликовано в 1995 году.
Перевод с польского В. Борисова*